

Образ Юрия Долгорукого в дореволюционной историографии

Юрий Долгорукий в русскую историческую память вошел, прежде всего, как основатель столицы Русского государства и создатель самостоятельного Ростово-Суздальского княжества, ставшего ядром будущей Великороссии. Иногда вспоминают и другую сторону деятельности Юрия — его упорную и кровопролитную борьбу за киевский престол, на котором ему удалось утвердиться только в конце жизни. Именно в этой борьбе, стремлении князя из далеких Ростова и Суздаля «дотянуться» до Киева чаще всего и усматривают причины обретения им прозвища «Долгорукий»¹.

Юрию Долгорукому и различным сторонам его деятельности посвящена солидная литература. Историография же этого древнерусского князя, не считая некоторых сюжетов его биографии и взглядов на него отдельных историков, в целом до сих пор не становилась объектом специального исследования.

Одна из первых попыток оценить личность и деяния Юрия Долгорукого в русской историографии принадлежит В. Н. Татищеву — автору «Истории Российской», дошедшей до нас в двух редакциях, написанных на «древнем» и «новом» «наречиях» и содержащих уникальные сведения, только частично находящие себе аналогии в сохранившихся летописях (так называемые «татищевские известия»)².

Ряд таких известий о Юрии Долгоруком, появившихся в результате стремления историка как-то компенсировать недостаток источников, осмыслить изложенные им события, был рассмотрен А. П. Толочко³. Это избавляет нас от необходимости их анализа и позволяет остановиться лишь на общей характеристике Юрия нашим «последним летописцем и первым историком».

Данная Татищевым характеристика, включающая вымышленный портрет князя, присутствует только во второй редакции «Истории Российской», однако суммирует

¹ Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 55; Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2007. С. 102–103. Ближе к этому и мнение А. В. Сиренова, полагающего, что прозвище «Долгорукий» возникло в быту и обозначало человека, обладающего «большой властью» (Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 187). Иной взгляд на происхождение прозвища князя, согласно которому оно имеет книжные истоки см.: Рычка В., Ищенко А. О прозвании Юрия Владимировича «Долгоруким» // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. XIV. Київ, 2017. С. 215–222.

² Об историческом труде Татищева и природе «татищевских известий» см.: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009; Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 439–520.

³ Толочко А. П. «Веселое» княжение Юрия Долгорукого в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Русь Киевская — Русь Московская: Сб. ст. по итогам конференции «Мономаховичи и восточнославянская государственность. Роль Юрия Долгорукого в историческом процессе». М., 2003. С. 37–44; Толочко А. П. Юрій Долгорукий в «Історії Російській» Василя Татищева. Київ, 2005. Иначе к анализу освещения Татищевым деятельности Юрия подошел В. А. Кучкин. См.: Кучкин В. А. Основание Москвы в освещении «Истории Российской» В. Н. Татищева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 24–32.

его отношение к Юрию, проявленное и во время написания первой редакции, служа своего рода ключом к пониманию всей биографии, в том числе и ее вымышленных эпизодов. «Сей великий князь, — писал Татищев, — был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не вельми велики, нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких писч и пития⁴; более о веселиях, нежели о разправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев. И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но большее дети и князи союзные, для того весьма худое счастье имел и три раз от оплошности своей Киева изгнан был»⁵.

Трудно с полной уверенностью сказать, почему Татищев избрал именно такой модус изображения шестого сына Мономаха, его первенца от второго брака⁶. Древнерусские летописи и, в частности, выделяемая из состава Ипатьевской — Киевская летопись, относились к Юрию амбивалентно, но в целом оценивали его довольно сдержанно. У Татищева же, несмотря на сохранение общей биографической канвы, общий урок этой биографии существенно иной. Юрий в «Истории Российской» предстает человеком легкомысленным, любителем вина и женщин, неудачливым воином, в любых ситуациях предпочитающим шумные развлечения серьезной государственной работе. По мысли А. П. Толочко, Татищев, «как и все вообще историки, читавшие Киевскую летопись, попал под обаяние рисуемого ею образа Изяслава Мстиславича. Юрий, его враг и соперник, вольно или невольно воспринимается как естественный контраст и противоположность блестящему, энергичному и остроумному Изяславу.

⁴ В другом месте своей «Истории» Татищев писал, что «Юрий хотя имел княгиню, любви достойную и ее любил, но при этом многих жен подданных часто навесчал и с ними более, нежели со княгиною, веселяся, ночи, сквозь на скомонех (музыка) проигрывая и пия, препровождал, чим многие вельможи его оскорблялись, а младья, последуя более своему уму, нежели благочестному старейших наставлению, в том ему советом и делом служили» (*Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 3: История российская. Ч. 2. М., 1995. С. 170*). Князь, таким образом, развращал дурным примером молодых и неокрепших умом придворных. Примечательно, что эта любовь Юрия к выпивке, веселым пирам и чужим женам стала в татищевской истории, как подметил А. П. Толочко, «причиной одного из самых замечательных событий в истории России: основания Москвы» (*Толочко А. П. «Веселое» княжение Юрия Долгорукого в «Истории Российской» В. Н. Татищева. С. 38; Толочко А. П. Юрий Долгорукий в «Исторії Російській» Василя Татищева. С. 5*). В самом деле, строительстве будущей российской столицы у Татищева предшествует и связана с ним интрига, возникшая между Юрием Долгоруким и женой боярина Кучки. По Татищеву, измена жены заставила Кучку арестовать ее и замыслить бежать в Киев к Изяславу Мстиславичу, племяннику и непримиримому врагу Юрия. Последний, узнав об этом тут же устремился к реке Москве, где располагалось село боярина. Прибыв туда, Долгорукий казнил Кучку, а на месте села построил город (*Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 2. С. 170–171; Кучкин В. А. Основание Москвы. С. 30*). Помимо Москвы Юрий, по мнению Татищева, построил также «Юриев в поле, Переяславль у Ключинова озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль и другие многие грады...» (Там же. С. 44).

⁵ *Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 2. С. 60*. Примечательно, что непривлекательные внешние черты, отражающие внутренние пороки Юрия, Татищевым были выбраны не сразу. В отвергнутом варианте портрета Юрий еще был «роста среднего, весьма толст и плешив, очи великие, нос краткий нагнут» (Там же. С. 280, вар. 69). На различия двух портретных описаний Юрия в свое время обращал внимание С. Л. Пештич, рассматривавший их как свидетельства вымышленности татищевских описаний внешности князей (*Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. М., 1961. С. 244–245*).

⁶ О происхождении Юрия Долгорукого см.: *Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 35; Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 60, 74.*

Стоит только развить подсказки и намеки летописи, и Юрий оказывается воплощением всех дурных качеств, которых лишен был Изяслав». Так или иначе, но, очевидно, что для Татищева Юрий Владимирович действительно был «одним из тех князей середины XII в., на кого возлагалась вина за воцарившуюся, в конце концов, раздробленность и падение авторитета Киева»⁷. Согласен с этим, судя по всему, и М. Б. Свердлов, по мнению которого причиной создания Татищевым негативного портрета-характеристики Юрия Долгорукого были постоянные распри Юрия⁸. Наблюдения, с которыми трудно не согласиться, ведь, как писал Татищев о Юрии в первой редакции своей «Истории», «бысть муж воин и не миролюбив, во владение его между всеми князи велие смятение и кровопролитие христианом бысть»⁹. Добавим лишь, что соображения А. П. Толочко и М. Б. Свердлова вполне применимы не только к Татищеву, но и многим другим дореволюционным авторам, писавшим о Юрии, независимо от влияния на их труды татищевской «Истории».

Впрочем, не все историки были настроены к Юрию Долгорукому критически. Положительно о нем отзывался уже один из ближайших последователей Татищева князь М. М. Щербатов, создавший «Историю Российскую от древнейших времен», которая стала первым обобщающим трудом по русской истории, написанном не в форме летописного свода, а как историческое исследование¹⁰.

Юрий, по его мнению, «соединял в себе все качества великаго Монарха: он был искусный и храбрый воин, и в сии непросвященные времена хитрой политик...»¹¹. Это, однако, не означает, что Щербатов был апологетом Юрия. Он признавал, что «честолюбивой и захватчивой его нрав во многия смущении и раздоры Россию ввергнул, которые наконец толь ослабили великое княжение Киевское, что еще во время его многия земли чужими народами были завоеваны, а по смерти его сие княжение час от часу ослабеая, наконец в совершенный упадок пришло»¹². Таким образом, несмотря на соединение в Юрии качеств «великого монарха», общий итог его правления был безрадостным. С его смертью закончился целый период русской истории — Киевская Русь. В отличие от Татищева, Щербатов не столь решительно осуждал раздробленность, а потому и образ Юрия Долгорукого у него получился привлекательнее.

Развитие историографической традиции XVIII в. имело место у Н. М. Карамзина, рассматривавшего историю подобно своим предшественникам как деяния славных и бесславных мужей Отечества и искавшего в событиях прошлого примеры для наставления людей в их практической деятельности. Юрий Долгорукий изображен в его «Истории государства Российского» как правитель «властолюбивый, но беспечный». Отдавая ему должное за обустройство «восточного края древней России», распространение там христианской веры, строительство церквей, освоение пустующих земель

⁷ Толочко А. П. «Веселое» княжение Юрия Долгорукого в «Истории Российской» В. Н. Татищева. С. 37–38; Толочко А. П. Юрий Долгорукий в «Исторії Російській» Василя Татищева. С. 2–3.

⁸ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 502.

⁹ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 4: История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 250.

¹⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 143–144; Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. Т. 1. М., 2004. С. 150.

¹¹ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. От начала царствования Изяслава Ярославича до покорения России татарами. СПб., 1771. С. 252. Ближе к этому Долгорукого оценивал Т. С. Мальгин, писавший, что Юрий был «честолюбив, хитр, завистлив, но храбрый и искусный воин и государь» (Мальгин Т. Зерцало Российских государей изображающее. СПб., 1789. С. 35).

¹² Щербатов М. М. История Российская. Т. 2. С. 252.

и основание новых селений и городов, Карамзин не считал его славным правителем. «Георгий, — писал он, — не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях, ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные летописцы наши редко говорят о злых качествах Государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном князя столь любимого, не умел заслужить любви народной»¹³. Он, как пояснял историк, «играл святостью клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгоды своего честолюбия». Поэтому, «народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом княжеский за Днепром, называемый *Раем*, также имение суздальских бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне града, в Берестовской обители Спаса»¹⁴.

Карамзин, таким образом, продолжил традицию критического отношения к Юрию Долгорукому, заложенную в трудах Татищева. Причины этого были, очевидно, те же, что побуждали нелестно отзываться о нем и его предшественника. Кроме того, следует иметь в виду, что Карамзин был не только историком, но и писателем-сентименталистом, ставившим в центр своего внимания наряду с государственными и общественными добродетелями своих героев, их человеческие качества. Поскольку таковыми Юрий не отличался, то и симпатий у Карамзина он не вызывал.

Невысокого мнения о Юрии Долгоруком был и Н. А. Полевой. Пересматривая оценки, данные Карамзиным многим историческим деятелям, к Юрию он отнесся без какого-либо энтузиазма. Долгорукий у Полевого — всеми ненавидимый, «слабый, никогда не владевший собою», «всегда нерешительный, робкий в беде, беспечный при счастье»¹⁵. «Георгий Долгорукий, — полагал историк, — не был ни храбр, ни умен подобно отцу, но не уступал ему властолюбию»¹⁶. Его «краткое княжение» в Киеве знаменовало собой окончательное падение авторитета великого князя¹⁷. В своем отношении к Юрию Долгорукому Полевой, тем самым, следовал за Татищевым и Карамзиным. В отличие от них он, однако, относился к Юрию более враждебно.

Трудом Н. А. Полевого закончился этап в историографии, посвященной Юрию Долгорукому, для которого характерно отношение к этому князю с позиций, прежде всего, морали и нравственности. Оно было в основном негативным. В отечественной историографии последующего времени отношение к Юрию Долгорукому было уже не столь однозначным и строилось не только на основании его личностных качеств, но и в свете тех процессов, которые переживали со второй четверти XII в. русские земли.

Отход от отношения к Юрию Долгорукому с позиций морали и нравственности заметен уже в трудах младшего современника Полевого М. П. Погодина. Описывая деятельность этого князя, Погодин вообще старался избегать оценочных суждений,

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III / Под ред. А. Н. Саварова. М., 1991. С. 167.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Полевой Н. А. История русского народа. Историческая энциклопедия. В 3 тт. Т. 2. М., 1997. С. 371.

¹⁶ Там же. С. 340.

¹⁷ Аналогичной оценки деятельности Юрия Долгорукого придерживался Н. Г. Устрялов, подчеркивавший его властолюбие и коварство, нелюбовь к нему ни князей, ни подданных (*Устрялов Н. Г.* Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997 (первое издание — 1855). С. 104, 106, 109). Как и Полевой, он признавал его последним великим князем киевским, со смертью которого окончательно разрушилась «установленная Мономахом система соединения русских княжеств в одно целое властью великого князя Киевского» (Там же. С. 109).

предпочитая им упорядоченное изложение фактов его биографии¹⁸. Аналогичный подход в отношении Долгорукого имел место и у К. Н. Бестужева-Рюмина. Следуя данным летописей¹⁹, он лишь подчеркивал нелюбовь к Юрию киевлян, которую объяснял тем, что «приходил он туда (в Киев — А. И.) выгонять любимого князя (Изяслава Мстиславича — А. И.), приводил с собою Половцев, и когда садился княжить, то его суздальцы забирали верх над киевлянами»²⁰. В то же время Бестужев-Рюмин замечал, что в своей Ростово-Суздальской земле Долгорукий был «совсем другим»: он «начал строить здесь новые города и украшать те, которые были уже построены, начал сзывать людей селиться в лесах непроходимых и прокладывать дороги»²¹.

Достаточно сложным было отношение к Юрию Долгорукому С. М. Соловьева. В своей докторской диссертации, посвященной изучению междукняжеских отношений, он писал, что Юрий «не был похож на отца ни в умственном, ни в нравственном отношении: как правитель и как человек он не мог заслужить уважения и привязанности родичей и чужих... Ненавидимый князьями, Юрий еще больше был ненавидим гражданами киевскими, в глазах которых он был выродком из доблестной семьи Мономаха, потому, что подобно Святославичам, навел на Русскую землю; но всего более возбудил он нелюбве киевлян тем, что привел с собою суздальских дружинников, которым роздал должности на Руси, и которые спешили обогатиться на счет граждан»²². Ставя в центр своего внимания «южную» политику Долгорукого, его взаимоотношения с другими князьями, Соловьев создал негативный образ этого князя.

В «Истории России с древнейших времен» он оценивал Юрия Долгорукого уже не столь резко. Здесь образ князя более концептуален. Будучи мало похож на своего отца и двух старших братьев, не являясь, в отличие от Изяслава Мстиславича, «образцом князя, по тогдашним понятиям», он, тем не менее, предстает с ее страниц правителем «деятельным и способным»²³. Особенно Юрий Долгорукий прославил себя, по оценке Соловьева, «как строитель неутомимый»²⁴. Описанию его деятельности историк уделил достаточно большое внимание, в центр которого, однако, им была поставлена не его созидательная деятельность на северо-востоке Руси, а все та же борьба за Киев и междукняжеские отношения, «главным характером» которых в то время была «борьба младших дядей с племянниками от старшего брата». Усилиями Юрия эта борьба завершилась «торжеством дядей, т. е. торжеством права всех родичей на старшинство»²⁵, однако время господства родовых отношений уходило в прошлое и уже при сыне Долгорукого Андрее Боголюбском наступает новый период русской истории — период борьбы родового и государственного начала²⁶. Являясь приверженцем старых идей, не сумевшим разглядеть закат старого родового

¹⁸ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. Период удельный, 1054–1240. М., 1855. С. 89–95; *Погодин М. П.* Древняя Русская история, до монгольского ига. Т. I. М., 1875. С. 156–178.

¹⁹ См.: *Бестужев-Рюмин К.* Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи, или о временах княжеских смут и усобиц. СПб., 1865. С. 25–43; *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 172–173.

²⁰ *Бестужев-Рюмин К.* Князь Владимир Всеволодович Мономах... С. 43.

²¹ Там же. С. 43.

²² *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 149, 201.

²³ *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 414.

²⁴ Там же. С. 516.

²⁵ Там же. С. 478.

²⁶ Там же. С. 33–34, 52–53; *Иллерицкий В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 110–111.

строя, Юрий Долгорукий не вызывал у Соловьева симпатий. В то же время следует признать, что для него этот князь не был заурядным представителем старины. Своей деятельностью по освоению Залесского края и упорной борьбой за Киев, показавшей его сыну Андрею всю бесплодность последней, Юрий подготовил наступление нового этапа российской истории.

Концепция междукняжеских отношений, последовательно изложенная Соловьевым в его трудах, оказала влияние на оценку деятельности Юрия Долгорукого такими историками как Я. А. Галяшкин, Н. И. Хлебников и Д. И. Иловайский. В центре внимания первого из них находились взаимоотношения Юрия с Изяславом, в лице которых, по его словам, сталкивались «две противоположные точки зрения». «Племяннику, — писал Галяшкин, — казалось, что князь, претендующий на главенство в роде и желающий занять Киевский стол, должен “уметь жить” со своими товарищами князьями, должен обладать соответствующими политическими дарованиями, и потому шел против своего дяди, не отличавшегося этими качествами, хотя в то же время весьма охотно признавал за ним его родовое старшинство перед собой. Со своей стороны дядя видел в старшинстве свое лучшее и единственное право на Киевский престол, мало интересовался государственными соображениями племянника и ни за что не хотел терпеть его у власти. В своих взаимных сношениях и тот и другой резко формулировали каждый свою точку зрения... говорили друг с другом на своем родном языке, но различным языком, по-видимому, даже плохо друг друга понимая»²⁷. Галяшкин стремился, тем самым, объяснить деятельность Юрия Долгорукого, его упорную борьбу за Киев с учетом исторического контекста эпохи и политических воззрений самого Юрия. Симпатий ни ему, ни Изяславу историк не выказывал, тем не менее, как и у Соловьева, Юрий Долгорукий предстает под его пером фигурой менее привлекательной, чем Изяслав.

Для Н. И. Хлебникова и Д. И. Иловайского Юрий был типичным представителем удельной эпохи, когда «родовые идеи имели сильное влияние на умы людей», при этом он — «последний князь, который предпочитал юг северу» и это несмотря на то, что «судьба постоянно толкала его на север»²⁸. Тем не менее, симпатизируя Юрию, Иловайский полагал, что «важное историческое значение этого князя основано не на киевском его княжении, а на его деятельности в земле Суздальской»²⁹. На роль Долгорукого в возвышении последней указывал и В. О. Ключевский. Деятельности Юрия Долгорукого он, впрочем, особого внимания не уделял. Из общего же контекста рассуждений историка он предстает колонизатором, хозяином и строителем

²⁷ Галяшкин Я. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. Т. 2. М., 1898. С. 274. Аналогичного мнения о противостоянии Юрия Долгорукого и его племянника, Изяслава Мстиславича, позднее придерживался Е. Ф. Шмурло, выделявший после Владимира Мономаха «еще две фигуры — непримиримых противников, Юрия Долгорукого и Изяслава II» (Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862–1462). СПб., 1997. С. 130).

²⁸ Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 388, 395. Сын Юрия Андрей Боголюбский — «самый замечательный человек XII века», виделся Хлебникову представителем уже другой эпохи, «когда усобицы должны были показать дальновидному человеку все зло и несостоятельность настоящего порядка» (Там же. С. 395). Юрий такой дальновидностью, очевидно, не отличался.

²⁹ Иловайский Д. История России. Часть первая. Киевский период. М., 1876. С. 242. Что же касается киевлян, то Юрий, как замечал Иловайский, «не пользовался их расположением. Народ особенно злобился на его суздальских дружинников за их вымогательства и жадность» (Там же).

Ростово-Суздальской земли, предтечей главного героя периода — Андрея Боголюбского, в лице которого «великоросс впервые вступает на историческую сцену»³⁰. Такой взгляд на Юрия Долгорукого получил обоснование в трудах Д. А. Корсакова и Н. И. Костомарова.

Специально изучавший историю Ростово-Суздальской земли Д. А. Корсаков видел значение для этого края Юрия Долгорукого в его колонизаторской деятельности, выражавшейся «в вызове переселенцев..., в построении новых городов и в расширении и улучшении прежде существовавших»³¹. Правление в Ростово-Суздальской земле Юрия Долгорукого — «эпоха установления элементов гражданственности этой земли: власти князя и Христианства»³².

Положительно оценивая деятельность Юрия в его Залеской вотчине, к фигуре этого князя Корсаков относился, тем не менее, достаточно критически. С его точки зрения, «стоя на рубеже двух исторических эпох, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двух этнографических формаций Русской народности: восточно-русской и южно-русской, — Юрий в своем личном характере носил ту же двойственность. С одной стороны все его идеалы лежат в южном Приднепровье, о “причастии в Руси” себе и своим детям заботится он всю свою жизнь: его традиции — традиции южных князей; с другой стороны в его характере заметны некоторые черты, напоминающие его сына Андрея Боголюбского, положившего основание новому порядку дел в княжеской Руси». Эти черты, однако, как признавал Корсаков, не выступали рельефно, а находились «еще в зародыше». Но и в них историк усматривал уже «самовластие» — основную черту характера Андрея³³. Поэтому, характер Юрия, по словам Корсакова, «не представляет ничего цельного. Это переходный тип от южного князя к князю северному, от князя Приднепровья к поволжскому князю». Долгорукий представлялся ему, тем самым, «промежуточным звеном», соединяющим Владимира Мономаха с Андреем Боголюбским. При этом «нравственный характер Юрия» был, как признавал историк, «весьма не симпатичен. Личный расчет есть основная движущая им сила, есть причина всех его действий. Из этого личного расчета он хитрит, он нарушает крестное целование, он соединяется с враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, “наводит на юг Половцев”, исконных врагов и насильников южно-русской Украины. Отец Юрия, “страдалец за Русскую землю” — Мономах был не таков! Робкий воин и храбрый организатор, Юрий стремился постоянно на юг, и между тем вводит “наряд” в своей северо-восточной области Ростовской. Сражаясь во имя родовых княжеских прав с племянником своим Изяславом, он сам же нарушает эти права, садясь в Киеве помимо своего старшего брата Вячеслава». В народной памяти Юрий Долгорукий, по наблюдению Корсакова, является «жестокосердным, и, по народному преданию, построенный им город Москва “стоит на крови”»³⁴. Такой князь, согласно заключению исследователя, «не мог быть любим на юге, где прямота действий, мужество в брани, борьба с “погаными” Половцами, служение земле, а не своей личности — составляли народный идеал князя». Такими были Мономах и его внук Изяслав, Юрий же «был чужд югу. Одиноким, нелюбимым народом является он в Приднепровье, куда стремились постоянно его все лучшие помыслы!»³⁵.

³⁰ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1998. С. 265–266, 267, 293, 300.

³¹ Корсаков Д. Мера и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872. С. 75.

³² Там же. С. 248.

³³ Там же. С. 74.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 75.

Схожего мнения о Юрии Долгоруком, как отмечалось выше, придерживался Н. И. Костомаров. Для него этот древнерусский князь был одним из представителей формирующейся великорусской народности. В истории его борьбы за Киев Костомаров усматривал приписываемое им великороссам стремление «к расширению своих жительство и к подчинению себе других земель». «То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточно-русской земли, — писал историк. — Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по-видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединялось стремление русских жителей суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев»³⁶. Для Костомарова, как и для Корсакова, он был своеобразным предтечей подлинного великоросса — Андрея Боголюбского, стремившегося властвовать над Киевом и прочими русскими землями, оставаясь в родной для него суздальской земле. Характерно, что в отличие от Андрея, его отцу в своей «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Костомаров не посвятил отдельного биографического очерка. Одним из «виднейших деятелей» русской истории Юрия он, тем самым, не считал.

Иного мнения о роли и месте Юрия Долгорукого в истории Киевской Руси был И. Е. Забелин. Для него этот князь, прежде всего, «устроитель древне-суздальской земли»³⁷. В то же время, как признавал историк, «воспитанник своей дружины, князь Юрий и в чертах своего характера сохранял по преимуществу стремления дружинные. Он был человек Киевской Руси, где дружинный быт господствовал в полной силе. Поэтому и на свое Суздальское княжение он смотрел только как на хорошую загородную усадьбу, на далекое, но доброе поместье, где в большом довольстве можно было отдыхать от трудов; но делать дело, по его понятиям, возможно было только около Киева. Там находились существенные задачи его жизни»³⁸. В этой связи Юрий, как отмечал Забелин, «не особенно дорожил своею Суздальскою отчиною», «неутомимо искал своей части в Киевской Руси и очень боялся, что совсем отделится и оторвется от этой старой и славной Руси»³⁹.

³⁶ Костомаров Н. И. Андрей Боголюбский // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 2-х кн. Кн. 1: Вып. 1, 2, 3, 4. М., 1995. С. 62. При этом Костомаров полагал, что «киевляне смотрели на княжение Юрия, как на чужое господство» и именно в этом он видел причину того, что «после смерти Юрия, в 1157 году, перебили всех суздальцев, которым Юрий поверил управление края» (Там же). В другой своей работе, комментируя эти события, историк замечал, что «уважая долго Юрия, как сына любимого ими Мстислава (очевидная опечатка, читай: Владимира — А. И.), киевляне не в силах были сдержать своего нерасположения к суздальцам» (Костомаров Н. И. Черты народной южно-русской истории // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб., 1863. С. 174). Близкое взглядам Костомарова объяснение «нерасположения» киевлян к Юрию Долгорукому давал М. Д. Затыркевич. Профессор Нежинского лицея, в частности, замечал, что «сделавшись князем киевским», Юрий «проводил разгульную жизнь и мало обращал внимания на дела правительственные. Всем заправляли его служилые люди, суздальцы, дозволявшие в чужом для них крае всякого рода насилия». Именно за это посадские люди после смерти Юрия, по мнению исследователя, и «разграбили княжеские дворы и перебили всех суздальцев» (Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 210).

³⁷ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 1.

³⁸ Забелин И. Е. Первоначальная история Московской промышленной области // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении Т. VI. Ч. 1. М.; СПб.; М., 1898. С. 12.

³⁹ Там же. С. 12, 13.

Повествуя о войнах Юрия за Киев, историк подмечал изменение отношения к нему киевлян, которые вначале «видели в нем сына любимейшего своего князя Владимира Мономаха, и потому не ходили даже и воевать против него», но потом возненавидели его «за беспрестанные усобицы и особенно за то, что он приводил с собой половцев». Эта, как называл ее Забелин, «беспокойная и, по-видимому, бессмысленная борьба Юрия за киевское старшинство», имела, однако, «великое значение для Суздальской земли. Добившись своей отчины и дедины, в самом Киеве, Юрий, — пояснял историк, — сделал Киев отчиною и дединою и для своих детей, а, следовательно, и для всей Суздальской земли»⁴⁰. В этом Забелин видел оправдание всех его междоусобий, ибо «Суздальская земля никогда бы не получила того могущества и силы, с какими она является спустя не более сорока лет после смерти Юрия, если бы его дети не получили права на киевское старшинство или в сущности на старшинство во всей Руси»⁴¹.

Юрий Долгорукий, таким образом, был для Забелина «первым основателем политического могущества Суздальской области»⁴², что не могло не вызывать у него как горячего патриота Москвы к этому князю симпатий. Такой подход, однако, в целом не был характерен для дореволюционной историографии, оценивавшей Юрия главным образом за его «южную» политику.

Достаточно традиционен в оценке Юрия Долгорукого был М. С. Грушевский, который относил его к числу «нелюбимых» киевлянами князей. Для него, как и многих его предшественников, смотревших на Юрия с высоты киевских холмов, он был «противоположностью Изяславу Мстиславичу». При этом, как считал Грушевский, «если недостатки Изяслава закрывались многими симпатичными его свойствами, то антипатичные черты характера его соперника представлялись в резком, даже преувеличенном виде». Юрий, пояснял он, «отличался своекорыстием и эгоизмом и совершенно лишен был благородства (хоть и относительного) своего соперника»⁴³. В подтверждение этого историк ссылался на сообщения летописи о том, что он оставил во время опасности своего союзника Святослава и намерен был выдать князю Ярослав-

⁴⁰ Там же. С. 13.

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Там же. Впрочем, как признавал Забелин, «славу своего подвига» Юрий должен «разделить со своею дружиною», которая «отличалась редким единодушием и при частых отлучках своего князя умела управлять страной и оборонять ее весьма осмотрительно и заботливо без обычных в то время ссор и крамол» (Там же. С. 14). Что касается деяний Юрия Долгорукого непосредственно в Суздальской земле, то Забелин упоминал строительство им деревянных городов и каменных церквей, особо останавливаясь на Москве, в которой Юрий в 1147 г. устроил в честь северского князя Святослава Ольговича «обед силенъ» и которую спустя девять лет расширил и укрепил деревянными стенами (Там же). В другом месте Забелин, однако, писал, что город Москва был построен стараниями не Юрия Долгорукого, а переселившегося во Владимир его сына Андрея Боголюбского, «так как Юрий, которому летопись приписывает эту постройку, в то время княжил в Киеве и по старости лет едва ли имел какой-либо особый повод строить именно небольшой суздальский городок Москву, который мог построить гораздо раньше» (Там же. С. 20). О том, что возникновение Москвы не обязательно связано с именем Юрия Долгорукого писал и С. Ф. Платонов. Рассмотрев летописные данные, он пришел к мнению, что «факт основания Москвы-города в первой половине или даже середине XII века не может считаться прочно установленным» (Платонов С. Ф. О начале Москвы // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 100). Совершенно не выделял Юрия Платонов и в своем курсе лекций, упоминая его лишь в связи с борьбой этого князя за Киев (Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 1999. С. 45–47).

⁴³ Грушевский М. С. Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 201.

лаву Галицкому «на убийство» своего «подручника» Ивана Берладника. Кроме того, Юрий, по словам Грушевского, «не отличался ни смелостью, ни дальновидностью, ни талантами полководца, ни государственным умом; он любил выжидать, действовать чужими руками». Его успехи в борьбе с Изяславом он объяснял «выгодными условиями его положения», а княжение Юрия в Киеве оценивал как непопулярное: «наводнив киевскую область суздальцами, он должен был неминуемо возбудить нерасположение киевского боярства; низшее население также имело свои счеты с ним. Что еще должно было сильнеешим образом возбудить нелюбовь к нему, это его союз с половцами», которые «не раз вступали на киевскую территорию и, конечно, разорали ее по своему обыкновению»⁴⁴.

О непопулярности Юрия на Киевщине Грушевский писал и в своем фундаментальном труде «Історія України-Руси». «На се, — пояснял историк, — впливав і дійсно несимпатичний його характер — сухо егоїстичний, позбавлений якоїсь благородности, великодушности, і його конкуренція проти симпатичних народу кандидатів — Мстиславичів, і його половецька політика. Прихожі Суздальці могли теж дати ся в знаки Киянам»⁴⁵.

Так, в украинской историографии Юрий Долгорукий приобрел статус чужого, «россиянина», а его княжение в Киеве стало восприниматься в контексте извечных устремлений северного соседа подчинить украинские земли. Под влиянием трудов Грушевского об этом писал, в частности, С. Томашевский, для которого Юрий и его противник Изяслав были фигурами, знаменовавшими не только «династический разлом в Мономаховом доме», но и «национально-политическое разъединение между Украиной и Московщиной». Следуя за Грушевским, он отмечал, что Юрий «не мав... ані трохи тих принадних рисів характеру як Изяслав: був непривітний, захланний і скупий, схильний до жормтокости і неліцарський. В сих обох типах, — резюмировал Томашевский, — сконцентрувався історичний українсько-московський антагонизм у змаганнях заволодіти Київщиною»⁴⁶.

Представление о Юрии как чужаке на киевском юге достаточно прочно вошло и в российскую историографию. Таковым, помимо Корсакова и позднее Вернадского, его, в частности, признавал А. Е. Пресняков. По его наблюдению, с обладанием киевским столом у Юрия «не связывалось... каких-либо широких положительных задач»⁴⁷. В отличие от Изяслава, имевшего «более широкий политический кругозор», он, по мнению Преснякова, не был борцом «за сохранение и поддержание Мономаховых традиций» — идеи старейшинства в земле русской⁴⁸. Сама эта идея, связывавшая вокруг Киева все прочие древнерусские земли-волости, во времена Юрия

⁴⁴ Там же. С. 202.

⁴⁵ Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань та ін. Київ, 1992. Т. 2. XI–XIII вік. С. 181 (Напечатано по: Львів, 1905).

⁴⁶ Томашівський С. Українська історія. Старинні і середні віки. Львів, 1919. С. 71–72. Об этом же позднее писала Н. Полонская-Василенко, отмечавшая такие «особисті прикмети Юрія» как «сухість, егоїстичність, брак шляхетности. Разом з тим, — замечала исследовательница, — під час цього двобою між Україною-Киевом та Суздальщиною, вперше увиразнилися і викликали взаємну ворожість національні різниці двох народів» (Полонська-Василенко Н. Історія України: У 2 т. Т. 1. До середини XVII століття. Київ, 1998. С. 153–154). Удивительное сходство обнаруживают и мысли известного российского эмигрантского историка Г. В. Вернадского, писавшего, что «противостояние киевского населения суздальским боярам, привезенным в Киев князем Юрием Долгоруким в 1154 г., можно считать одним из первых проявлений русско-украинского соперничества» (Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 237).

⁴⁷ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 91.

⁴⁸ Там же. С. 89, 91.

окончательно пала. Для Преснякова, как и многих его предшественников, Юрий Долгорукий — фигура знаменовавшая наступление политической раздробленности Руси, утрату Киевом централизующего и объединяющего влияния на древнерусскую жизнь.

Другой стороне деятельности Юрия — освоению Северо-Восточного края Пресняков уделил внимание в работе «Образование великорусского государства» — одной из первых попыток «построения русской истории на основе признания самостоятельных путей великорусской и украинской истории»⁴⁹. Поставленный в контекст не Киевского, а истоков «Великорусского государства», отмечает Пресняков, Юрий здесь выступает «Колумбом Поволжья», князем-градостроителем, «руководящей мыслью политики» которого было «сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердив, в то же время, ее преобладание во всей Руси»⁵⁰. Ростово-Суздальскую землю он при этом намеревался закрепить за своими детьми от второго брака, в то время как старших сыновей «предназначал для Киевского юга». Планы эти, по мнению историка, однако, разбил «старший во всех Юрьевичах, Андрей», который самовольно ушел с киевского юга на север, «в свою волость Володимеру»⁵¹. Несмотря на то, что планы Юрия в полной мере оказались неосуществимы, в таком контексте он выглядит более привлекательно, что роднит его с образом этого князя у Забелина. Однако, выведенный Пресняковым в «Образовании великорусского государства», образ Юрия Долгорукого в строгом смысле уже не относился дореволюционной историографии. Он, по существу, явился продуктом переходной эпохи.

Таким образом, историки XVIII — начала XX вв. видели в Юрии Долгоруком значительную фигуру русской истории XII столетия, однако, в своем большинстве выдающимся или тем более великим государственным деятелем они его не считали. В характеристиках, дававшихся князю, подчеркивались негативные черты его характера, а деятельность Долгорукого рассматривалась как способствовавшая падению авторитета Киева и наступлению раздробленности. Доминирование в историографии отрицательного образа Юрия Долгорукого обуславливалось следованием историков в описании его княжения подробно, но в целом враждебному к нему киевскому летописанию, его предпочтением перед лояльным к Долгорукому, но менее репрезентативным повествованием о нем владими́ро-суздальского летописца. В центре внимания исследователей оказывалась поэтому, как правило, «южная» политика Юрия, его упорная борьба за Киев, а не обустройство им своих северо-восточных владений. Слабо отраженная в летописании деятельность Юрия в его Залеской вотчине воспринималась как второстепенная, и даже связь в источниках имени князя с первым упоминанием Москвы и строительством в ней крепости общего критического отношения к Долгорукому изменить не могли. Лишь немногие историки, ставившие в центр своего повествования историю Ростово-Суздальской земли, создали позитивные образы Юрия Долгорукого.

⁴⁹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 579. В этом Рубинштейн видел связь Преснякова «с идеями и общей схемой украинской истории Грушевского» (Там же). В отличие от Грушевского, Пресняков, однако, рассматривал киевский период «как пролог не южнорусской, а общерусской истории» (Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 640).

⁵⁰ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 27, 32. Считая Юрия князем-градостроителем, Пресняков в то же время связывал с его именем лишь основание городов Кснятина, Юрьева Польского, Дмитрова и Москвы, а также перевод на новое место Переяславля (Там же. С. 27–28). «Широкое градостроительство», приписанное Юрию Татищевым, он признавал недостоверным.

⁵¹ Там же. С. 32.

Источники и литература

1. *Бестужев-Рюмин К.* Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи, или о временах княжеских смут и усобиц. СПб., 1865.
2. *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. Т. I. СПб., 1872.
3. *Вернадский Г. В.* Киевская Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Под ред. Николаева Б. А. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996.
4. *Галышкин Я.* Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. Т. 2. М., 1898. С. 211–285.
5. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. Київ: Наукова Думка, 1992. Т. 2. XI–XIII вік.
6. *Грушевський М. С.* Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891 (репр.: Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ: Наукова думка, 1991.).
7. *Забелин И. Е.* История города Москвы. Репринтное воспроизведение издания 1905 г. М.: Столица, 1990.
8. *Забелин И. Е.* Первоначальная история Московской промышленной области // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении Т. VI. Ч. 1. М.; СПб.; М., 1898. С. 11–41.
9. *Затыркевич М. Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874.
10. *Иллерицкий В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980.
11. *Иловайский Д.* История России. Ч. 1. Киевский период. М., 1876.
12. *Историография истории России до 1917 г.:* учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т.; под ред. М. Ю. Лачаевой. Т. 1. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.
13. *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1991.
14. *Карпов А. Ю.* Юрий Долгорукий. М.: Мол. гвардия, 2007.
15. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
16. *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872.
17. *Костомаров Н. И.* Андрей Боголюбский // *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 2-х кн. Кн. 1: Вып. 1, 2, 3, 4. М.: СВАРОГ, 1995. С. 61–81.
18. *Костомаров Н. И.* Черты народной южно-русской истории // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб., 1863. С. 59–220.
19. *Кучкин В. А.* Основание Москвы в освещении «Истории Российской» В. Н. Татищева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 24–32.
20. *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 50–82.
21. *Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 35–56.
22. *Мальгин Т.* Зерцало Российских государей изображающее. СПб., 1789.
23. *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. 1. М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.
24. *Платонов С. Ф.* О начале Москвы // *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 94–103.
25. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

26. *Погодин М. П.* Древняя Русская история, до монгольского ига. Т. I. М., 1875.
27. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. Период удельный, 1054–1240. М., 1855.
28. *Полевой Н. А.* История русского народа. Историческая энциклопедия. В 3-х тт. Т. 2. М.: Вече, 1997.
29. *Полонська-Василенко Н.* Історія України: У 2 томах. Т. 1. До середини XVII століття. — 3-тє вид. Київ: Либідь, 1998.
30. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.
31. *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.
32. *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография / Под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.
33. *Рычка В., Ищенко А.* О прозвании Юрия Владимировича «Долгоруким» // *Ruthenica*. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. XIV. Київ: Інститут історії України НАН України, 2017. С. 215–222.
34. *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2009.
35. *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011.
36. *Сиренов А. В.* О прозвищах древнерусских князей // *Петербургский исторический журнал*. 2017. № 2. С. 184–193.
37. *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.
38. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2 / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев; Вступ. ст. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. М.: Мысль, 1988.
39. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: в 8-ми томах: Т. 2, 3: История Российская. Ч. 2. Репринт. с изд. 1963, 1964 гг. М.: Ладомир, 1995.
40. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 4: История Российская. Ч. 2. Репринт. с изд. 1964 г. М.: Ладомир, 1995.
41. *Толочко А. П.* «Веселое» княжение Юрия Долгорукого в «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Русь Киевская — Русь Московская: Сборник статей по итогам конференции «Мономаховичи и восточнославянская государственность. Роль Юрия Долгорукого в историческом процессе»*. М.: Фонд духовной культуры и образования «Новая Русь» — Изд-во «Планета-2000», 2003. С. 37–44.
42. *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005.
43. *Толочко О. П.* Юрій Долгорукий в «Історії Російській» Василя Татищева. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005.
44. *Томашівський С.* Українська історія. Старинні і середні віки. Львів: Вчора і нині, 1919.
45. *Устрялов Н. Г.* Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997.
46. *Хлебников Н. И.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872.
47. *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. М.: Изд-во «Культура», 1993.
48. *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862–1462). СПб.: Алетей, 1997.
49. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. II. От начала царствования Изяслава Ярославича до покорения России татарами. СПб., 1771.